

Лу Ин ещё не успел толком разглядеть личико ребёнка, как занавеска кареты резко опустилась, скрывая его от глаз.

Затем карета плавно тронулась с места и затерялась в шумной толпе.

Судя по направлению, это была река Юнхуэй — там селились знатные и влиятельные чиновники Столицы.

Сразу видно, отпрыск из богатой семьи.

Впрочем, всё равно не ровня моему дому.

Лу Ин отвёл взгляд и одарил Цинхуа Бэйда невинной улыбкой:

— Хочу домой.

Однако Лу Ин и помыслить не мог, что эта роскошная карета вовсе не собиралась к тихим берегам, а развернулась у раскидистого баньяна и в конце концов направилась к Южным воротам Наньгун императорского дворца Великого Чжоу.

.....

Дворцовые покои погрузились в ночную тишину.

Мужчина в плаще с капюшоном бесшумно проскользнул в спальню, расположенную в северо-западном углу дворца.

Дежурный евнух, завидев гостя, тут же отворил дверь.

Это был кабинет, но горел всего один светильник. Резный абажур сильно приглушал свет, и снаружи комната казалась почти крошечной.

За письменным столом неподвижно сидела фигура: ростом невелика, но отброшенная позади тень казалась длинной-предлинной.

Мужчина скинул капюшон, обнажив суровое, словно высеченное топором лицо. Его звали Тан Тяньху, ему едва перевалило за двадцать, и он служил в страже Южных ворот Наньгун.

Тан Тяньху бросил взгляд на нефритовый цветок, лежавший на столе, и с уважением сложил руки:

— Вэй Гао наотрез отказывается говорить, кто его подговорил. Трое остальных были схвачены стражниками Управы Шуньтянь. Выяснилось, что это прежде сидевшие в Восточной тюрьме закоренелые воришки. В этот раз они взяли всю вину исключительно на себя, полностью выгородив Вэй Гао. Что же до того человека по имени Да Сюн... ваш подчинённый пока не выяснил, кто он такой.

Едва он замолк, раздался глубокий, властный голос:

— Каким образом ты сегодня отыскал тот глухой переулок?

— С вашего позволения, Ваше Высочество, по кусочкам сахара. Когда я шёл по средней части улицы Чжуцюзэ, то заметил, что на земле откуда-то взялось много сладких крошек. Проследовав за ними вперёд, я понял, что они тянутся словно специально оставленный след.

Сидящий наверху ничего не ответил, и Тан Тяньху на мгновение замолк:

— Именно те сахарные крупички привели меня в переулок. Но едва я ступил туда, следы внезапно оборвались. Моей первой мыслью было, что тот, кто оставлял метки, угодил в беду. Я тут же перемахнул через забор и только тогда обнаружил, что Ваше Высочество связаны.

Тан Тяньху поднял взгляд на неподвижную, словно изваяние, фигуру и продолжил:

— Сегодняшний выход Вашего Высочества из дворца изначально держался в секрете, и ваш покорный слуга не смел поднимать шум. Поразмыслив над всем, я решил отправить человека подать анонимную жалобу в Управу Шуньтянь, а сам всё это время дежурил на крыше, неотступно следя за вашей безопасностью.

Случившееся сегодня было делом рук предателя среди своих, фактором совершенно неконтролируемым. Тан Тяньху считал, что не растерялся в критический момент и всё устроил безупречно, а значит, непременно заслужит похвалу господина.

Однако... в ответ царила тишина.

Тан Тяньху снова поднял глаза и в дрожащем свете свечи заметил едва заметную морщинку на лбу господина.

Сердце Тан Тяньху бешено заколотилось: неужели сболтнул лишнего?!!!

Он немедленно опустился на колени:

— Допустить, чтобы Ваше Высочество оказалось в смертельной опасности — это упущение вашего слуги!

Вскоре сверху донёлся голос:

— Этот сахар...

Этот сахар?

Тан Тяньху перевёл взгляд и торопливо извлёк из-под плаща аккуратно завернутую в обёртку сахарную фигурку, с заискивающей улыбкой протягивая её вперёд.

Заметив, что маленькая ручка с красным следом на запястье приняла сладость, Тан Тяньху наконец сообразил, в каком русле следует продолжить разговор:

— Именно потому, что Ваше Высочество предусмотрительно оставили сахарный след, ваш слуга и смог благополучно вас отыскать.

Чего Тан Тяньху удостаивал титулом «господина» или «Вашего Высочества», был Шестой принц Шестой принц Се Сюнь, сын императора Великого Чжоу, которому едва исполнилось десять лет.

Шестой принц Се Сюнь сильно отличался от прочих принцев.

При первой же встрече благородные манеры Се Сюня, совершенно не по возрасту, произвели на Тан Тяньху неизгладимое впечатление.

Тан Тяньху искренне верил, что те сахарные метки оставил именно Се Сюнь.

Се Сюнь — принц высочайшей крови, он с детства строго соблюдал этикет, держал себя в руках и совершенствовал добродетели, но в конце концов ему было всего десять лет, он оставался ребёнком. Сбежать из дворца тайком и, пользуясь тем, что никто не видит, тихонько полакомиться сладкой фигуркой — вполне заурядное дело.

Правда, почти весь сахар ушёл на то, чтобы оставлять знаки, так что Се Сюнь наверняка ничего не съел.

Желая угодить господину, Тан Тяньху перед возвращением во дворец заглянул к тому старику у Моста Фэнтянь и купил новую фигурку.

К слову, он брякнул лишнего и выяснил, что за весь день старик слепил лишь одно изображение Великого Мудреца Суня.

Ах вот оно что, оказывается, господин жалуется Великого Мудреца Суня.

В будни он ведёт себя чересчур степенно, словно взрослый, а в душе всё же остаётся наивным ребёнком — этакая контрастная черта, на удивление милая.

Тан Тяньху, не раздумывая, расплатился, попросив старика сделать фигурку Великого Мудреца Суня, но к своему удивлению обнаружил, что тот старик — слепец.

Именно из-за слепоты он мог просидеть у Моста Фэнтянь целый день и не продать ни единой сладости.

К тому же на изготовление одной фигурки ушла целая палочка благовоний. Пока Тан Тяньху изнывал от ожидания, ему то и дело приходилось ловить на себе косые взгляды прохожих и слышать их шепотки.

Все сходились на том, что у старика сладости выходили уродливыми, невкусными и баснословно дорогими, и покупал их разве что дурачок-сын Главного секретаря Лу, но никто не ожидал, что объявится ещё один глупец.

— Где купил? — спросил Се Сюнь.

Опомнившись, Тан Тяньху опешил:

— На Мосту Фэнтянь в конце улицы Чжуцзюэ, у слепого старика с седой бородой. Я обошёл всю улицу, и он был единственным, кто лепил такое.

Се Сюнь принялся с любопытством разглядывать сахарного Великого Мудреца Суня — в деталях угадывались золотые доспехи из панцирных пластин, головной убор с фазаньими перьями и золотым орнаментом, на ногах — сапоги с облачными узорами, а в руке — желанный золотой посох Жэньи.

Быть может, у мастера и впрямь плохо видел глаз, иначе с чего бы ему делать обувь Мудреца похожей на взмывающее в небеса облако.

Лицо Се Сюня разгладилось:

— Так вот как выглядят облака под ногами у Великого Мудреца Суня.

<http://bllate.org/book/21851/2266398>